

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

В. Э. Вацуро

ЛИРИКА
ПУШКИНСКОЙ
ПОРЫ

«ЭЛЕГИЧЕСКАЯ ШКОЛА»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

1994

Ответственный редактор

С. А. ФОМИЧЕВ

Рецензенты:

А. А. ГОЗЕНПУД и В. Д. РАК

*Книга издана при финансовой поддержке
международного фонда «Культурная инициатива»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, предлагаемая ныне вниманию читателя, посвящена истории и эволюции элегического жанра в первой четверти XIX в., т. е. теме на первый взгляд локальной и определенной, с более или менее четко обозначенными границами. Зыбкость самого предмета обнаруживается тогда, когда от общих дефиниций мы переходим к конкретному изучению. Тогда-то мы и сталкиваемся с явлением, уже многократно описанным в литературе, — с размыванием жанровых границ и появлением промежуточных жанровых образований, с нетрадиционными элементами поэтического языка, с разноголосицей критических суждений и оценок, с теоретической и практической ревизией фундаментальных понятий. Эта, казалось бы, хорошо известная и в то же время каждый раз заново открывающаяся перед исследователем картина должна занять свое место в системе исторических координат. Выяснение генезиса, внутренних и внешних связей, степени традиционности и новаторства, наконец, степени продуктивности изучаемых явлений — необходимое условие исследования подобного рода, но оно-то и оказывается иной раз трудно осуществимым. Исследователь русской элегии XVIII в. еще может позволить себе ограничить свою работу пределами жанра: это достаточно ясно показывают как старая, но не потерявшая своего значения монографическая статья Г. А. Гуковского — «Элегия в XVIII веке»,¹ так и последняя, во многом полемичная по отношению к ней, книга Б. Кронеберга о русской элегии эпохи классицизма.² Для следующего периода поколебленными оказываются структурные основания, определявшие жанровую природу произведения; уже Шиллер, предтеча романтической эстетики, кладет в основу своих определений элегии прежде всего содержательный момент. Нет ничего удивительного, что современные историки и теоретики, говоря о поэзии романтической эпохи, предпочитают расширенное понимание элегии: не жанр, но тип поэти-

¹ Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 48—102.
² Kroneberg B. Studien zur Geschichte der russischen klassizistischen Elegie. Wiesbaden, 1972.

ческого мышления («mode»)³ За всеми этими колебаниями в определениях стоит реальная сложность литературного процесса.

Не меньшие трудности возникают и тогда, когда исследователь пытается установить генезис наблюдаемых им явлений. Характерно признание Э. Рид, автора очень ценной работы об источниках «Сельского кладбища» Т. Грея. «В моей собственной работе, — писала исследовательница, — я вначале просто искала ранние выражения романтической меланхолии. К моему удивлению, я обнаружила, что чем ближе я рассматриваю „романтические истоки“, такие, например, как „Ночное сочинение о смерти“ («Night Piece on Death») Парнелла, тем более они готовы раствориться в стихии, хорошо известной читателям предшествующего столетия или даже более ранним, и тем меньше они предсказывают новую литературную эру. В конце концов я пришла к заключению, что вплоть до середины XVIII века меланхолическая литература не содержит ничего такого, что можно было бы, строго говоря, определить как романтическое в современном понимании этого слова, хотя такие произведения, как „Ночные мысли“ Юнга, „Могила“ Блэра и „Элегия“ Грея, и оказали потом влияние на романтическое движение».⁴ Наблюдение, несомненно, справедливое: генезис поэтических форм и тех или иных элементов поэтической системы, утвердившейся в европейских и русской литературах в начале XIX в., можно проследить до античности, — недаром же элегики XVIII—XIX веков ссылались постоянно на Тибулла, Проперция и Овидия. Элегии с сожалением о промчавшейся молодости и уходящей жизни создавались в средние века на Западе и Востоке; фрагменты знаменитой элегии Вальтера фон дер Фогельвейде «Owe war sind verswunden alle mine iar» («Увы, промчались годы, сторели все дотла...») ⁵ могли бы быть написаны рукой поэта начала XIX столетия. Едва ли не все мотивы, образные и даже лексические средства, которые мы находим в элегии предпушкинской и пушкинской поры, уже существовали в предшествующем литературном репертуаре, но в рассматриваемую нами эпоху они составили некое новое целое, и видоизменившийся жанр стал доминирующим в новой литературно-эстетической системе. Эту новую систему, в пределах которой менялось самое значение традиционных поэтических средств, мы и обозначаем условным, но получившим уже права гражданства термином «элегическая школа», не предешая пока ответа на вопрос, какой литературно-эстетический метод лежит в ее основе. Скажем только, что переходный характер исследуемой литературной эпохи очевиден, и лучшее свидетельство тому — непрекращающиеся споры о поэтическом методе Жуковского и Батюшкова.

³ См.: Potts A. F. The Elegiac Mode. Poetic Forms in Wordsworth and other Elegists. Ithaca; New York, 1967.

⁴ Reed A. L. The Background of Gray's Elegy. A study in the Taste for melancholy Poetry. 1700—1751. New York, 1962. P. V.

⁵ См. русский перевод (В. Левика): Фогельвейде В., фон дер. Стихотворения. М., 1986. С. 152—153.

Два первых десятилетия XIX в., проходящих под знаком элегии, которая окрашивает своими рефлексамии или прямо подчиняет себе едва ли не все соседствующие поэтические жанры — идиллию, песню, послание, даже оду, два десятилетия господства «элегической школы» — эпоха повышенного динамизма литературного развития, диффузии эстетических и поэтических идей, далеко не всегда получающей теоретическое осмысление и закрепление. Строго говоря, исследователь «элегической школы» должен включить в сферу своего внимания и послание, и идиллию, и тем более такие «младшие», по терминологии Ю. Н. Тынянова, жанровые образования, как романс или стансы; но в этом случае работа переросла бы все возможные рамки, превратившись в исследование истории русской поэзии в целом, и, скорее всего, утратила бы свой первоначальный предмет.

В пределах настоящей книги мы по необходимости вынуждены ограничиваться лишь краткими экскурсами в область истории соседних жанров или даже простыми отсылками и примерами, сократив до минимума их число; к сожалению, объем книги заставляет нас уменьшить и количество поэтических цитат, выбирая из них наиболее репрезентативные.

Итак, цель наша — описать в историко-литературных категориях «элегическую школу» 1800—1810-х годов, рассмотрев ее сквозь призму доминирующего жанра — элегии; попытаться определить отношение ее к традиции и ее открытия в области поэтического мышления и языка; наметить пути ее исторического развития. Здесь мы встречаемся еще с одной трудностью, вряд ли преодолимой до конца. Описание литературной системы требует синхронного разреза, проследивание же ее становления предполагает диахронию. Не рассчитывая разрешить удовлетворительно обе задачи одновременно, мы в данном случае отдаем предпочтение диахронному изучению, сосредоточив усилия на прослеживании эволюции поэтических форм. Но здесь сразу же возникает новая проблема: соотношение между типовым и индивидуальным в литературном процессе. Тема исследования — не «поэты», а «поэзия» начала XIX в., но то, что закрепляется в «поэзии» как некая, хотя бы временная, литературная норма, есть результат деятельности «поэта», под пером которого даже заимствованный из предшествующей традиции материал приобретает нередко резкие индивидуальные черты. Так Жуковский в своих переводах сублимировал собственную духовную биографию, без которой изучение поэтического языка начала века оказывается решительно невозможным; так индивидуальный творческий путь Батюшкова накладывает отпечаток на все развитие элегии 1810-х годов. В этом случае мы также вынуждены искать компромисс, иногда в ущерб единству исследовательского сюжета, совершая по неизбежности огрубляющие экскурсы в область индивидуальных творческих биографий.

На этом мы можем закончить предварительные замечания, касающиеся задач и характера настоящего труда, но к ним нужно добавить еще одно, последнее, — по месту, но не по важности.

В литературе, особенно научно-популярной, «элегическая школа» нередко оценивается «по Кюхельбекеру»: его знаменитая статья «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824) дала мощный импульс критической оценке жанра, в котором «чувство уныния поглотило все прочее» и бесчисленные толпы подражателей Жуковского «взапуски» тоскуют «о погибшей молодости»; где, наконец, варьируются одни и те же картины и ситуации.⁶ Между тем статья Кюхельбекера — не историческая характеристика, а факт литературной полемики с уже угасающей школой, которая в момент своего возникновения и в апогее своего развития обладала чрезвычайно высоким философским и эстетическим потенциалом. К 1824 г. этот потенциал был частично утрачен, а частично и непонятен или не актуален. Так, мотив «сожаления об утраченной молодости», как мы постараемся показать ниже, концентрировал в себе целую систему моральной философии XVIII — начала XIX в. На этом субстрате возросли непреходящие эстетические ценности, созданные «элегической школой»; она ушла тогда, когда перестали быть продуктивными породившие ее эстетика и философия. Именно с этой эстетикой и философией боролись теоретики и практики следующей генерации поэтов: с одной стороны, Кюхельбекер, с другой — Пушкин и Баратынский, сами прошедшие через «элегический» искус; это была борьба не с бездарными эпигонами, а, если угодно, с учителями за право поэтического самоопределения.

Здесь, однако, мы выходим за пределы нашей книги, которая посвящена «элегической школе» в период ее становления и расцвета. Далее наступает смена литературных эпох; на авансцену выходят молодой Пушкин и его соратники, прежде всего Баратынский, и начинается ревизия господствующей традиции. Обо всем этом нужно говорить специально, в работе не меньшего объема, чем предлагаемая ныне читателю; пока заметим лишь, что торжество победителей в литературном процессе всегда относительно, а не абсолютно. Даже Пушкин не «отменил» своих предшественников — не только Жуковского и Батюшкова, но и, например, Милонова, — другое дело, что он и не пытался это сделать. В известном смысле портрет, подаренный «побежденным учителем» Жуковским «победителю-ученику» — юному Пушкину, имеет значение символическое.

Нам хотелось бы в этой книге продемонстрировать возможно нагляднее эстетическую значительность побежденной «элегической школы».

На протяжении нескольких лет работы над книгой автор пользовался многообразной дружеской помощью своих коллег по отделу пушкиноведения, отделу взаимосвязей русской и зарубежных лите-

ратур, сектору литературы XVIII в., наконец, работников библиотеки Пушкинского Дома. Не имея возможности назвать поименно всех, кому он обязан советами, консультациями, содействием, он хотел бы вспомнить здесь по крайней мере несколько имен: М. И. Гиллельсона, ныне уже покойного, рецензентов книги А. А. Гозенпуда и В. Д. Рака, С. А. Фомичева, любезно взявшего на себя труд главного редактора книги, Ю. Д. Левина, В. П. Степанова, Д. Н. Дубницкого; своих близких — жену Т. Ф. Селезеву и мать Л. В. Вацуро, без чьей самоотверженной помощи книга не могла бы появиться в свет.

Всем им автор приносит свою живейшую благодарность.

⁶ Кюхельбекер В. К. Путешествия. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 456 и след.